Автор: словарь
21.04.2008 10:49 -

ЖАБОТИНСКИЙ Зеев (Владимир) (1880—1940) — еврейский мыслитель, политик, журналист, писатель. Родился в Одессе в зажиточной семье. М.Горький восторгался "поэтической силой" Ж., а другой русский писатель — М.Осоргин — сетовал, что "национальные еврейские дела украли Жаботинского у русской литературы". Ж. — один из отцов сионизма. Благодаря деятельности Ж. произошли глубокие изменения в национальном самосознании еврейского народа.

Считал себя последователем Герцля, был сторонником прежде всего политического действия, считал укрепление еврейской военной силы лишь политическим средством для создания еврейского государства. Ж. был убежден, что для достижения этой цели необходимо "извлечь еврея из гетто, а гетто изгнать из еврея". Начало сионистской деятельности Ж. в России связано с идеей самообороны. В канун Пасхи 1903 в Одессе распространились слухи о предстоящем еврейском погроме. Узнав об этом, Ж. послал письма наиболее известным деятелям города и предложил им организовать отряд самообороны. Не получив их поддержки, он решил действовать самостоятельно. Вместе с несколькими молодыми людьми он собирал деньги и приобретал оружие.

Печатал листовки с простым содержанием: два параграфа из уголовного кодекса Российской империи, в которых говорилось, что тот, кто убивает в целях самообороны, свободен от наказания, и призыв к еврейской молодежи — "не подставлять шею под нож". В связи с началом Первой мировой войны Ж. сформулировал свое отношение к Оттоманской империи в книге "Турция и война", в которой доказывал, что "Великую Турцию" надо расчленить и раздать народам, населяющим ее. От этого, как он утверждал, выиграют и сами турки, освободившись от "груза народов", входящих в их империю. Ж. считал необходимым внедрение иврита в еврейскую диаспору.

По его убеждению, заложить основу для строительства сионизма можно только при условии, что иврит снова станет языком быта и языком культуры. Иврит, по мысли Ж., — это "связь с прошлым и мост в будущее", "объединяющее начало в истории еврейского народа". Сначала кампания за распространение иврита в России, инициированная Ж., велась под лозунгом "две пятых", то есть две пятых предметов из программы еврейской школы должны были преподаваться только на иврите. Потом Ж. потребовал создать "образцовые" детские сады и школы, в которых преподавание велось бы только на иврите. Он хотел подготовить "резервный" отряд людей, говорящих на иврите, носителей мечты о Сионе в еврейской диаспоре, которые стали бы ядром сионистского движения. Одновременно Ж. организует издательство "Тургман" ("Переводчик"), которое выпускало на иврите лучшие произведения мировой литературы. Ж. возглавлял организационный отдел по созданию еврейского университета в

Иерусалиме, который с 1928 стал классическим высшим учебным заведением, принимавшим на учебу выпускников средних школ. Концепция сионизма была у Ж. революционной в самой своей основе. Он искал "окончательное разрешение еврейской трагедии" и полностью отрицал "сионизм забав" или "сионизм утешения" (типа поисков "духовного центра" и других эфемерных и нереальных альтернатив). Из опыта юной жизни в России Ж. вынес предчувствие надвигающейся катастрофы холокоста.

В 1898 в Берне (в возрасте до 18 лет) он произнес свою первую сионистскую речь, в которой предрек: "концом еврейского народа в рассеянии будет Варфоломеевская ночь, и единственное спасение — всеобщая репатриация в Эрец-Исраэль". В предвоенные годы (как до прихода Гитлера к власти, так и после) Ж. утверждал, что "в самом ближайшем будущем несколько миллионов евреев должны покинуть свои земли в

Восточной Европе и создать в Эрец-Исраэле еврейское государство". В Польше он проповедывал тотальный исход из диаспоры. Его кампания в этой стране, вызвавшая резкое возмущение польского еврейства, проводилась под лозунгом: "Евреи, уничтожьте диаспору, или она уничтожит вас!" Его предостережения и призывы к действию остались неуслышанными в это страшное для евреев время может быть потому, что им на протяжении сотен лет постоянно угрожала некая опасность. Поэтому слово "уничтожение" стало обыденным, а само это понятие воспринималось не более, чем в аллегорическом смысле, в то время как Ж. понимал его вполне конкретно, не переставая предупреждать о грозящей катастрофе. Важным моментом в "большом сионизме" Ж. была идея о военном духе: "народ никогда не получает государство в виде подарка от других народов. Страна завоевывается оружием и родина возвращается оружием". Подход Ж. к военному вопросу не был проявлением болезненного пристрастия к милитаризму, а выступал как вполне строгий логический вывод.

Мировоззрение Ж. основывалось на постулировании святости жизни:

"Бог свидетель, что мне противны войны и армия; они для меня лишь жестокая отвратительная необходимость, и ничего больше". Когда Ж. понял, что этой необходимости не избежать, он устами одного из своих литературных героев сказал молодежи: "Железо. Пусть копят железо. Пусть отдают за железо все, что у них есть: серебро и пшеницу, масло и вино, стада, жен и дочерей — все за железо. Ничего на свете дороже нет, чем железо". Уже в начале 20 в. Ж. определил свое отношение к арабской проблеме. Ж. полагал, что заселение на землю предков может развиваться лишь с применением силы, независимо от местного населения, под защитой "железной стены, которую местное население не в силах пробить". При этом Ж. не исключал возможности достижения мирного соглашения с арабами, хотя он и не считал возможным только добровольное соглашение, пока у арабов гнездится хотя бы искра надежды, что им удастся навсегда избавиться от евреев. Ж. не испытывал ненависти к арабам.

Его отношение к ним определялось их отношением к сионизму. Арабам в Эрец-Исраэле, считал Ж., следует проникнуться сознанием, что это страна должна быть еврейским государством и что евреи со всех концов света смогут создать здесь свою родину.

В этом случае арабам "в качестве национального меньшинства в Эрец-Исраэле гарантируется максимум тех прав, которые они требовали для себя и никогда не достигали в других государствах". Более того, согласно Ж., "универсальная справедливость требует, чтобы кочующий народ, преследуемый во всем мире, как меньшинство, нашел наконец убежище на своей исторической родине". "Есть только один путь к компромиссу, — считал Ж. — говорите арабам правду, и тогда вы увидите, что араб разумен, араб смышлен, араб порядочен, араб способен понять, что поскольку есть три, четыре или пять чисто арабских государств, то будет только справедливо, если Британия превратит Эрец-Исраэль в еврейское государство". Еще одним определяющим моментом "большого сионизма" Ж. было требование объединения ради создания Эрец-Исраэля всех сил еврейского народа.

Эту идею он называл "монизмом" и искал молодежь, "в храме которой будет царить одна вера и никакая другая. Ей будет достаточно этой одной, она будет гордиться ею и ценить выше других верований. Бог создал нацию; все, что помогает ее возрождению, — свято, все, что мешает, — греховно, каждый, кто мешает, — черен, черна его вера, черны его знамена". Ж. отрицал идею классовой борьбы, восстановив против себя сионистские рабочие партии, считавшие, что можно совместить оба идеала — социализм и сионизм — в борьбе за независимость евреев.

Он настойчиво утверждал, что каждая забастовка вредит строящемуся еврейскому хозяйству и приносит ущерб народу в целом. Ж. отрицал обвинения в "фашизме и недемократичности" тем, что в духе талмудического изречения "Каждый еврей — сын царя" ставил личность в центр своей политической философии и идеологии: "В начале Бог создал личность, каждая личность — царь, равный другим, и этот другой — тоже царь. Пусть лучше личность согрешит перед обществом, чем общество согрешит перед личностью.

Общество создано для пользы личностей, а не наоборот, и будущий конец — идея мессианских дней — это рай личностей, блестящее царство анархии, борьба личных сил без законов и без границ. Общество не имеет другой задачи, как только помочь павшему, утешить его и поднять и дать ему возможность вернуться к той же борьбе". Ж. не отрицал значение рабочего класса в Эрец-Исраэле, но оспаривал его претензию на гегемонию, ведь средний класс, по его мнению, тоже внес свой труд и свою энергию в сионистское дело. Умер Ж. 4 августа 1940 в Нью-Йорке.

Его похоронили на кладбище в штате Нью-Йорк. Место захоронения было выбрано в соответствии с завещанием Ж.: похоронить там, где настигнет смерть. Если на чужбине, то останки не следует перевозить в Эрец-Исраэль иначе, как по указанию еврейского правительства этого государства, когда оно будет создано. Воля покойного была исполнена: в 1964 гроб Ж. и гроб его жены были погребены на горе Герцля в Иерусалиме.

К.И. Скуратович